

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 42
1907.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцеляріи
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Приучайте дѣтей слушать слово Божіе. (Изъ Твореній Св. Іоанна Златоустаго).— На пути въ объятія Отчи. Изъ дневника инока.— Сила Божія и немощь человеческая. Изъ записки игумена Феодосія о самомъ себѣ. *Сергѣя Нилуса*.— Монахъ Іоаннъ. (На добрую память о Ванѣ). *Пр. К.*— Вологодская летопись. О. Іоаннъ Кронштадтскій въ г. Вологдѣ. *Миссіонера Николая Слѣднкова*.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПРИУЧАЙТЕ ДѢТЕЙ СЛУШАТЬ СЛОВО БОЖІЕ!

икто не говори мнѣ, что намъ не нужно занимать дѣтей слушаніемъ слова Божія. Не только этимъ должно заниматься, но объ этомъ одномъ и надобно бы вамъ заботиться. Однако-жъ, ради немощи вашей, я уже не говорю этого, я и не отвожу дѣтей отъ постороннихъ занятій такъ же, какъ и васъ не отвлекаю отъ общественныхъ дѣлъ. Я считаю только справедливымъ, чтобы изъ семи дней одинъ посвященъ былъ общему нашему Господу. Ибо какъ это несообразно—рабамъ своимъ приказывать, чтобы они все время служили намъ, а намъ самимъ не удѣлять и малѣйшаго времени для Господа, и притомъ тогда, какъ наше служеніе не приноситъ Ему ничего, ибо Богъ ни въ чемъ не нуждается, и только намъ же самимъ обращается въ пользу. Когда вы водите дѣтей на зрѣлища, то не находите препятствія къ этому ни въ наукахъ, ни въ другомъ чемъ-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дѣло называете бездѣльнымъ. Какъ же вы не прогнѣваете Бога, когда во всемъ другомъ упражняете своихъ дѣтей и на то находите время, а занимать ихъ дѣломъ Божиимъ считаете тягостнымъ и неблаговременнымъ для дѣтей? Нѣтъ, не такъ, братіе! Этотъ-то возрастъ преимущественно и нуждается въ такихъ урокахъ. Возрастъ нѣжный,—онъ скоро усвоетъ себѣ то, что ему говорятъ; и какъ печать на воскѣ, въ душѣ дѣтей отпечатлѣвается то, что они слышатъ. А между тѣмъ и жизнь у ихъ тогда уже начинаетъ склоняться или къ пороку, или къ добродѣтели. Посему, если въ самомъ началѣ, и, такъ сказать, въ преддверіи отклонить ихъ отъ порока и направить на лучший путь: то на будущее время это уже обратится имъ въ навѣкъ и какъ бы въ природу, и они уже не такъ удобно по своему произволу будутъ уклоняться къ худшему, потому что навѣкъ будетъ привлекать ихъ къ дѣламъ добрымъ. Тогда и для насъ они будутъ достопочтеннѣе самыхъ стариковъ, и для гражданскихъ дѣлъ будутъ

полезнѣе, обнаруживая въ юности свойства старцевъ. Ибо невозможно, какъ я и прежде говорилъ, чтобы наслаждающіеся слушаніемъ Божественнаго Писанія, и внимающіе такому поученію отходили отсюда, не получивъ какого-либо истиннаго, великаго блага, будетъ ли участникомъ въ этой трапезѣ мужъ, или жена, или юноша. Если мы, приучая звѣрей къ нашимъ словамъ, такимъ образомъ укрощаемъ ихъ: то не гораздо ли болѣе чрезъ это духовное ученіе мы можемъ исправлять людей, когда тамъ и здѣсь есть великое различіе и между врачевствами и между врачуемыми? Ибо и грубость въ насъ не такова, какъ въ звѣряхъ: у нихъ она зависитъ отъ природы, а у насъ отъ произвола; да и сила словъ не одинакова: тамъ она происходитъ отъ человѣческой мысли, а здѣсь—отъ силы и благодати Духа. Итакъ, кто отчаявается въ себѣ самомъ, тотъ пусть помыслить объ укрощенныхъ звѣряхъ и онъ никогда не впадетъ въ отчаяніе. Пусть всегда приходитъ онъ въ эту лечебницу; пусть постоянно слушаетъ законы Духа и, возвращаясь домой, слышанное записываетъ въ своемъ умѣ. Такимъ образомъ онъ будетъ въ доброй надеждѣ и въ безопасности, на самомъ опытѣ чувствуя успѣхъ. И діаволь, какъ скоро увидитъ, что въ душѣ челоуѣка написанъ законъ Божій, и сердце сдѣлалось скрижалями этого закона, уже не будетъ болѣе приступать. Ибо гдѣ будутъ царскія письма, не на столпѣ мѣдномъ начертанныя, но въ боголюбивомъ сердцѣ Духомъ Святымъ напечатлѣнныя, и благодатию блистающія; туда онъ не возможетъ даже и заглянуть, а далеко отбѣжить. Для него и для помысловъ, отъ него влагаемыхъ, ничто такъ не страшно, какъ мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая къ сему источнику. Таковую-то душу не можетъ ни опечалить что-либо въ настоящемъ, хотя бы было что-нибудь и непріятное, ни возгордить и надмить—что-либо благопріятное: но, среди бурь и волненій, она будетъ наслаждаться тишиною. Да и не отъ природы вещей происходитъ наше смущеніе, а отъ немощи нашего духа. Если бы мы подвергались этому страданію вслѣдствіе обстоятельствъ, то всѣ люди

должны были бы испытывать его. Ибо всѣ мы плывемъ по одному и тому же морю, на которомъ невозможно миновать волнъ и бурь. Если же есть люди, которые остаются внѣ бури и волненій моря, то очевидно, что бурю производятъ не обстоятельства, но состояніе нашего духа. Слѣдовательно, если мы настроимъ дуню такъ, чтобы она все легко переносила, то не будетъ для насъ ни бури, ни потопленія, а будетъ всегда благоприятная тишина.

(Изъ Твореній св. Іоанна Златоустаго).

На пути въ объятія Отчи.

Изъ дневника инока

(Продолженіе).

9 Марта. Во время благодатнаго посѣщенія нашей души Господомъ она какъ-бы забываетъ о своемъ нестроении, язвахъ и порокахъ, а исполняется миромъ и радостью, какъ невинное дитя. Благодать Божія во Христѣ облакаетъ нашу обнаженную жалкую душу какъ-бы одеждою, хотя мы по прежнему и не совершенные и истаскавшіеся по распутіямъ міра, но одежда и перстень Небснаго Отца скрываютъ отъ насъ нашу наготу; чрезъ это, мы, обласканные, ободряемся и почерпаемъ изъ взоровъ и объятій Отеческой любви миръ и радость. Съ теченіемъ времени мы большей частью сами утрачиваемъ божественное одѣяніе, а иногда Господь намѣренно обнажаетъ насъ. И тогда лишенные одежды мы снова начинаемъ страдать отъ холода сомнѣній и унынія, отъ зноя страстей. Симъ Господь хочетъ предупредить насъ отъ самохвальства, притязанія на награду, чтобы мы не говорили подобно старшему сыну: *вотъ, я столько лѣтъ служу тебѣ, и никогда не преступалъ приказанія твоего* (Лук. XV, 29), чтобы мы не забывали, что довольство наше отъ Бога, а мы ничего своего не имѣемъ, чтобы мы, получая даръ Божій, не предавались, какъ хотѣлъ старшій сынъ, легкомысленному довольству, а старались заслужить даръ святости Божіей, ввести его въ свою природу. Всякій разъ, когда мы обнажаемся божественнаго одѣянія, мы должны не унывать (какъ я часто это дѣлаю), а зорко отыскивать въ себѣ еще неизлеченныя язвы, на которыя теперь указываетъ мнѣ Господь. А когда согрѣется сердце наше этой благодатной одеждою, когда мы получимъ „силы ко спасенію“,—стараться отсѣкать при помощи Божіей большыя члены нашей души, благодаря Господа...

12 Марта. (Мысли по поводу бесѣды съ В. В. М...мъ). О вѣрѣ и невѣрїи. Вотъ переживаешь благодатное время: все готовъ объять въ своей любви, ты радуешься и хочешь, чтобы такъ было всегда. Но вотъ наступаютъ другія противоположныя минуты: ты холодѣешь ко всему, печалишься, не хочешь жить. Когда подумаешь о томъ, отчего ты вдругъ незамѣтно измѣнился, окажется, что тебя оскорбилъ любимый человекъ, не отвѣчаетъ за любовь любовью, или начинаетъ казаться, что трудно тебѣ помогать другимъ, или для любимаго прежде твоего дѣла требуется во многомъ отказывать себѣ, или наконецъ образовалась у тебя слабость, которая начинаетъ тормозить твою прежнюю жизнь. Однимъ словомъ ты замѣчаешь, что вмѣсто прежней, мирной жизни, радостнаго стремленія слиться въ чувствѣ любви со всѣми другими, у тебя обнаруживаются другія стремленія, находится противодействующая сила, которая тянетъ въ противоположную сторону,—вмѣсто того, чтобы сливаться со всѣмъ, гармонировать, ты выдѣляешь себя изъ всего, ставишь самого себя средоточіемъ: вмѣсто одного является два—ты и врагъ твой, благо мое и благо другаго. Это происшедшее такъ или иначе раздѣленіе со всѣмъ и въ себѣ самомъ, ненрїятно, и ты естественно желаешь избавиться отъ него. Но какъ избавиться? Ты начинаешь оба стремленія удовлетворять: то двинешься въ одну сторону, то въ другую, одного любишь, другаго же тебѣ противнаго отталкиваешь, въ одно время поможешь нуждающимся въ помощи, а другой разъ, пожалѣвъ себя, и оттолкнешь и т. п. Многіе живутъ такою жизнью, живешь и ты по примѣру другихъ. Но если ты обратишься внутрь своего существа, то далеко не удовлетворишься подобною жизнью. Ты чувствуешь себя сугубо несчастнымъ: ты хочешь любить, а лишь вспомнишь объ обидѣ, нанесенной тебѣ, страдая ненавидишь; ты хотѣлъ бы доставить себѣ удовольствіе, удовлетворивъ твою слабость, а надъ собою видишь обличающій гласъ и голосъ совѣсти. Вотъ начинаешь чувствовать недовольство жизнью: она для тебя поистинѣ страданіе! Ты задаешь себѣ вопросы: для чего жить, и начинаешь искать на него отвѣтъ. Вѣра—всеобщій учитель. Къ ней ты и обращаешься за рѣшеніемъ вопроса. Она даетъ всегда одинъ отвѣтъ: живи для любви Бога и людей—отвѣтъ, въ которомъ напоминаетъ о прежней твоей благодатной жизни. Такимъ образомъ, живя благодатною жизнью, ты не задавался такимъ вопросомъ, жизнь любви дѣлала его лишнимъ: живу такъ, потому-что такъ нужно, а нужно потому, что это хорошо... Следовательно, если теперь возникаетъ этотъ вопросъ о цѣли жизни, то она въ чемъ нибудь не хороша, не удовлетворяетъ твоему назначенію, твоему закону бытія. Какъ же ее сдѣлать хорошею? Какъ избавиться отъ терзаній? Конечно ты долженъ избрать одно изъ двухъ: или

цѣль жизни поставить по старому въ любви и стремленіи ко благу, или въ желаніи прямо угождать себѣ только. Благо тебѣ, если ты вспомнишь блаженство первой жизни, послушаешься призывающему голосу Божию, пойдешь по старому испытанному пути. Но горе тебѣ, если ты попытаешься избрать второй путь, путь прямыхъ себялюбивыхъ наслажденій! Возвращаясь на старый путь, ты все болѣе и болѣе будешь чувствовать прежній миръ и радость, какъ бы возвращаясь на родину къ роднымъ и знакомымъ. Напротивъ путь себялюбивыхъ наслажденій не принесетъ мира и радости: въ пресыщенномъ сердцѣ твоёмъ—точащій червь совѣсти, еще сильнѣйшій разладъ, чѣмъ когда ты удовлетворялъ обѣ потребности (и себялюбіе и любовь) въ одинаковой мѣрѣ. Чтобы избѣгнуть этого страдательнаго разлада, ты, поставившій навсегда цѣлью жизни себялюбіе, постарайся совершенно убить прямо осуждающую его совѣсть и все, на что она указываетъ. Совѣсть выдаетъ себя за голосъ Бога, Судіи и Мздовоздаятеля. Ты для уничтоженія этого обличительнаго голоса хочешь уничтожить въ своей мысли Того, Кто говоритъ имъ. Ты всячески начинаешь успокаивать себя въ несуществованіи Судіи твоего, обольщая себя доводами разума противъ доводовъ сердца—это невѣріе, происходящее отъ себялюбія или эгоизма. Эгоизмъ приводитъ къ отрицанію голоса сердца, голоса совѣсти, голоса любви, а вмѣстѣ съ этимъ къ отрицанію Бога—къ невѣрію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СИЛА БОЖІА И НЕМОЩЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

Изъ записокъ игумена Феодосія о самомъ себѣ.

(Продолженіе).

L.

Передъ постригомъ моимъ въ рясофоръ, не зная о томъ, что въ сердцѣ отца игумена уже созрѣло это рѣшеніе, я въ тонкомъ снѣ имѣлъ такое видѣніе: будто я стою у свѣчнаго ящика въ Успенской половинѣ храма и вдругъ слышу, что какой-то мнѣ неизвѣстный голосъ зоветъ меня въ алтарь:

— „Феодоръ! взойди сюда!„—

И такъ—до трехъ разъ.

Удивляясь этому дивному голосу, я вошелъ въ Успенскій алтарь, совершилъ должное поклѣненіе святому престолу и уви-

далъ, что у угла къ востоку, близъ престола стоитъ какъ бы отецъ игумень, а на престолѣ рядомъ съ крестомъ лежитъ серебряный корчикъ, полный чистой воды, и надъ нимъ поднимается паръ. Я подошелъ къ отцу игумену, поклонился ему въ ноги, и онъ, благословляя меня, указалъ на корчикъ и сказалъ мнѣ:

— „Возьми и пей!“

Считая себя недостойнымъ неосвященными руками взять что-либо съ престола, я, не двигаясь съ мѣста, стоялъ въ страхѣ.

Отецъ игумень вторично мнѣ сказалъ:

— „Возьми и пей! Это нужно было пить вонъ—кому“—прибавилъ онъ, указывая мнѣ рукой по направленію къ царскимъ вратамъ... Я почему-то въ эту минуту не оглянулся на царскія врата, взялъ въ руки корчикъ и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, сталъ пить изъ корчика воду, которая оказалась прохладной и необыкновенно на вкусъ пріятной... И сколько я ни пилъ этой воды, а она въ корчикѣ какъ будто все умножалась. Я усиливался выпить ее всю, но чѣмъ болѣе глоталъ, тѣмъ корчикъ дѣлался полнѣе. Но я все продолжалъ пить. И стало мнѣ до того трудно, что, казалось, вода, наполнивъ всѣ мои внутренности, дошла до самаго моего горла. Я напрягъ послѣднія силы, глотнулъ еще разъ и будто выпилъ изъ корчика всю воду... Тутъ я взглянулъ на царскія врата и увидалъ нагого младенца, сидящаго на кругленькомъ аналойчикѣ, въ родѣ столика. И младенецъ этотъ, не спуская съ меня глазъ, зорко смотрѣлъ на меня, и такъ онъ былъ красивъ, что глазъ нельзя было оторвать отъ него. Глядя на меня, младенецъ ангельски улыбался. И замѣтилъ я, что онъ былъ весь мокрый, какъ будто его только что вынули изъ воды, и вода струилась съ него чистыми, какъ алмазъ, каплями по всему лицу и тѣлу его,—и это придавало ему еще большую красоту. Сидѣлъ этотъ дивный младенецъ съ ножками на аналойчикѣ, и по чресламъ покрытъ онъ былъ бѣлымъ полотномъ, и это же полотно было подостлано подъ нимъ. Сзади этого младенца стоялъ монахъ, какъ будто отецъ казначей, а на плечѣ у него было чистое полотенце, которымъ онъ отиралъ катящіяся по тѣлу младенца капли чистой воды. И увидѣлъ я, что по лицу младенца около его уха, вдругъ потекла грязная вода, какъ бы съ пылью растворенная. Дивясь красотѣ младенца, я спросилъ отца игумена:

— „Кто это младенецъ?“

И чей-то голосъ мнѣ отвѣтилъ:

— „Это ты!“

А отецъ игумень сказалъ:

— „Я хочу, чтобы ты былъ моимъ сыномъ“.

И послѣ того я услышалъ опять прежній голосъ, звавшій меня въ алтарь. Голосъ этотъ мнѣ говорилъ:

— „Ну, видѣлъ ты себя? Теперь вставай и иди къ утрени“.

При этихъ словахъ я проснулся, и въ это самое мгновеніе ударили въ колоколь къ заутрени, а я всталъ и пошелъ, дивясь бывшему.

Въ рясофоръ я былъ постриженъ вскорѣ послѣ этого видѣнія въ Ильинскомъ храмѣ на день Одигитріи, то-есть 28 іюля. Постригалъ меня за Литургіей самъ отецъ игумень. Одежда моя съ вечеру была положена передъ образомъ Богоматери на аналойчикѣ, а на утро, къ удивленію пономаря и ризничаго, аналой этотъ съ одеждою оказался переставленнымъ къ мѣстной иконѣ Ілии пророка. Удивлены они были потому, что, кромѣ нихъ, въ храмѣ никого не было, а они аналоя не переставляли, и храмъ до литургіи былъ запертъ.

При постригѣ въ рясофоръ имени мнѣ измѣнено не было, и я былъ нареченъ паки Θεодоромъ.

II.

Спустя нѣкоторое время послѣ великаго и знаменательнаго для меня дня постриженія въ рясофоръ, но еще до постриженія меня въ мантию, приходитъ ко мнѣ въ келью отецъ игумень и въ разговорѣ неожиданно обращается ко мнѣ съ такими словами:

— „Ты самъ видишь, что казначей у меня окончательно человѣкъ неспособный, безхозяйственный да, къ несчастью, еще и выпить любитъ... Ну, это-то хоть туда—сюда; а вотъ что плохо такъ это то, что, замѣчаю я, въ немъ не только монашества, но и просто-то хрістіанскаго и тѣни нѣтъ. Такъ вотъ, прошу тебя, не откажись замѣнить его собою, а объ этомъ я уже буду лично просить преосвященнаго“.

Казалось бы, такое отличіе должно было меня обрадовать, но меня оно испугало—такъ ясно мнѣ представился весь ужасъ того положенія, въ которое я неминуемо попалъ бы, если бы принялъ лестное предложеніе отца игумена. Я зналъ несчастную слабость своего настоятеля, которая его заставила относиться снисходительно къ порокамъ его подчиненныхъ, и назначеніе меня казначеемъ при немъ равносильно было бы тому, какъ если бы онъ мнѣ сказалъ: ты видишь мои дѣйствія, ни въ чемъ несообразныя съ уставами Св. Отецъ, основателей монастырскихъ общежитій, будь казначеемъ и молчи, и ни въ чемъ мнѣ не препятствуй, а я буду попрежнему и примѣромъ своимъ, и управленіемъ окончательно искоренять изъ своего монастыря и благочиніе, и благочестіе... Оборони, Господи! Да не будетъ!

Выслушалъ я игуменское предложеніе, сталъ передъ иконою Препоблагословенной и сказалъ настоятелю тихо и кротко, но твердо:

— „Спаси васъ, Господи, батюшка, за ваше вниманіе ко мнѣ,

недостойному, но позвольте и мнѣ быть съ вами откровеннымъ и высказать вамъ и чувства мои, и мои мысли не какъ передъ начальникомъ, а какъ передъ отцомъ. Насъ батюшка, здѣсь въ кельѣ только двое, и пусть Матерь Божія будетъ между нами свидѣтельницей. Вы предлагаете, стало быть, мнѣ должность или послушаніе казначейское?"

— „Да“, отвѣтилъ мнѣ игумень: желаю даже“.

Я поклонился ему въ ноги и благодарилъ его, но вставши продолжалъ:

— „Ахъ, батюшка, не поняли вы доселѣ меня, а иначе бы вы и не стали мнѣ предлагать этой должности“... и тутъ я опять поклонился ему въ ноги... „Только, вотъ что, батюшка: молю я васъ и прошу—не думайте обо мнѣ и просить владыку, потому что если вы, все-таки, на своемъ настаите, то, несмотря на то, что вы игумень, а я буду казначей, я такихъ отъ васъ реформъ потребую, о какихъ вы и не думали“.

— „Какихъ реформъ“?—удивленно спросилъ меня игумень.

— „А вотъ какихъ, батюшка: здѣсь, вѣдь, общежитіе, такъ и должно быть у насъ все такъ, какъ Отцы Святые предали намъ, начиная съ кухни и кончая всѣмъ духомъ братскаго общежитія. Пищу, напримѣръ, чтобы варили на кухнѣ не мужики нанятые, а изъ числа братіи иноки; да все это—по уставу: огонь-то чтобы братъ отъ иконы Спасителя, или отъ престола во время утрени; потомъ положивъ земной поклонъ предъ настоятелемъ и испросивъ благословеніе, только тогда бы и шли на дѣло. Да и на дѣлѣ-то, чтобы младшій на все просилъ благословеніе у старшаго, такъ чтобы ковша воды не смѣлъ влить въ котель не помолитвясъ: „молитвами Св. Отець, Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ!“ и только когда старшій скажетъ: „аминь“, младшій, сказавъ—„благослови“ и услышавъ—„Богъ благословить“, только тогда онъ можетъ приступить къ своему дѣлу. И такъ должно вести всякое дѣло при началѣ всякаго послушанія въ обители. И просфоры должна печь братія, а не бабы въ городѣ, какъ это у насъ теперь ведется. Да чтобы у насъ отъ старшаго до младшаго никого не было въ праздности, а чтобы каждому по силамъ его, возрасту и воспитанію было дано послушаніе. И въ городѣ-то, и въ слободу отнюдь никому не ходить безъ благословенія, ради благословной вины и то только одному уставленному на то брату, кромѣ особыхъ исключеній. Вотъ, и къ воротамъ надо поставить привратника, будильщиковъ; да и ворота внѣ службъ должны быть не такъ растворены, какъ въ настоящее время, и чтобы не было пути женскому полу черезъ дворъ обители... Въ храмахъ надо завести чистоту не ту, которая теперь у насъ, а такое благолѣпіе, которое бы возвышало душу молящагося и возбуждало благого-

вѣнне къ святынѣ. Смѣху и разговорѣ на клиросахъ и въ алтарѣ чтобы и тѣни не было... Да простите, батюшка, я и отъ васъ-то лично потребую другаго поведенія во всемъ... А вина и пьянства чтобы и духу не было въ обители; и съ похмѣлья, по вашему, я не дозволю давать братіи денегъ и поить ихъ въ кельѣ, какъ вы это дѣлаете теперь. Нѣтъ, а—на поклоны! Кто не хочетъ исправиться—съ Богомъ изъ обители: пусть, вмѣсто шестидесяти или пятидесяти, будетъ жить тридцать, но чтобы обитель была образцомъ благочестія, а не такъ, какъ вы довели. Взгляните по совѣсти: вѣдь обитель-то служить соблазномъ для мірскихъ, какъ разсадникъ не благочестія, а пьянства, невѣжества и всякихъ пороковъ... Итакъ, если вы не будете препятствовать новымъ порядкамъ, то избирайте меня—я готовъ. Но, если изъ личныхъ вашихъ, временныхъ видовъ, вы не измѣните своей системы, то лучше оставьте меня, а иначе я вамъ буду первый врагъ и доведу о всѣхъ вашихъ слабостяхъ до свѣдѣнія владыки“.

Ничего мнѣ не возразилъ на мои рѣчи игумень, но съ этого времени онъ охладѣлъ ко мнѣ совершенно и уже о казначействѣ для меня болѣе не заикался. Мало того, по несчастной своей болѣзни, онъ имѣлъ слабость открыть о своемъ мнѣ предложеніи самому казначею, съ которымъ во время запоя, за бутылкой, слишкомъ разоткровенничался. Конечно, онъ пересказалъ ему и все то, что я ему наговорилъ въ келейной съ нимъ бесѣдѣ и тѣмъ еще больше возмущилъ противъ меня и безъ того уже яростную ненависть ко мнѣ казначея. Съ этихъ поръ казначей не упускалъ удобнаго случая, чтобы внушать игумену, что я добиваюсь начальства, что я хочу, какъ они оба выражались, ихъ „стула“. И стали они оба стараться вытѣснить меня изъ обители, но какъ не было за мной никакой вины, то они умыслили перевести меня, давъ мантию, въ архіерейскій домъ въ Тамбовъ. Этого имъ было бы не трудно добиться, расхваливъ меня кому слѣдуетъ и при помощи задариваемыхъ ими членовъ Консисторіи.

Слава и благодареніе Господу, Который не далъ имъ исполнить своего намѣренія, и всѣ ихъ козни не получили успѣха, столь ими желаннаго!... Но объ этомъ я скажу въ своемъ мѣстѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОНАХЪ ЮАННЪ.

(На добрую память о Ванѣ).

(Окончаніе).

Особенно поразительна была его религіозная настроенность. Въ этомъ отношеніи онъ положительно опередилъ свою дѣт-

скую наивность и физическіе недостатки и являлся человѣкомъ взрослымъ и съ высокою душою. Для посторонняго наблюдателя религія его была религіею чувства; при физической неспособности обнаруживать свои мысли внѣшнимъ образомъ посредствомъ правильной послѣдовательной рѣчи, онъ не могъ словами выражать и свои религіозныя расположенія. Но стоило только внимательно присмотрѣться къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, прислушаться къ краткимъ словамъ его, — и весьма отчетливо выяснялось, насколько онъ былъ проникнутъ высокою религіозностію. Придетъ, бывало, къ знакомымъ за нѣсколько дней до наступленія какого либо двенадсятаго праздника и начнетъ гнѣие сходное съ нагнѣвомъ праздничнаго тропаря, произнося только своеобразныя два—три слова, и спроситъ: „Когда?“, чтобы сказали ему, чрезъ сколько дней будетъ праздникъ. Въ храмъ Божій къ Богослуженіямъ онъ ходилъ почти каждый день; къ Литургіи приходилъ во время совершенія проскомиди и всегда подходилъ къ жертвеннику съ просфорою, чтобы священникъ помянулъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ онъ самъ называлъ. Въ великій постъ исповѣдался и причащался Св. Таинъ почти каждую недѣлю. Въ храмѣ молился усердно и особенно любилъ стоять въ алтарѣ. Нерѣдко, когда священникъ читалъ молитвы, Ваня бралъ служебникъ въ руки и дѣлалъ усердные поклоны. Предъ употребленіемъ пищи и по окончаніи постоянно молился; утромъ и особенно вечеромъ предъ сномъ стоялъ на молитвѣ довольно долго, произнося между прочимъ имена членовъ семейства, которое онъ посѣщалъ, и имена другихъ своихъ знакомыхъ, а въ комнатѣ, гдѣ приготовлялась ему постель, всегда просилъ зажигать лампаду предъ иконами. Часто бывали у него моменты проявленія религіозности неожиданные: сидя за столомъ съ знакомымъ, занимающимся чтеніемъ, или другимъ дѣломъ, встанетъ и, указывая на иконы, начнетъ молиться; кто хорошо понималъ его, кто зналъ высокія нравственныя качества его души, тотъ сразу подчинялся его указанію и проникался религіознымъ чувствомъ и желаніемъ молиться вмѣстѣ съ нимъ. Очень любилъ Иванъ Ефимовичъ вспоминать лицъ духовнаго званія, которыя произвели на него особое впечатлѣніе своими приѣмами при Богослуженіи. Сидитъ, бывало, съ обычнымъ своимъ чистымъ, открытымъ взглядомъ,— и вдругъ скажетъ громко: „Поюще, вопіюще“, а потомъ спроситъ: „гдѣ?“ Понимавшій его сейчасъ же догадывался что рѣчь идетъ объ о. Іоаннѣ Кронштадскомъ, и долженъ былъ сказать, гдѣ онъ теперь находится. Или еще: совершенно неожиданно спроситъ „гдѣ покаяніе, покаяніе?“ и нужно было отвѣтить, что о. Палладій теперь уже архимандритъ, находится въ Могилевѣ; затѣмъ на такой же вопросъ чрезъ годъ, нужно было сказать, что о. Архимандритъ Палладій теперь живетъ въ

Москвѣ, или: О. Палладій теперь уже не архимандритъ, а Архіерей и живетъ въ Вольскѣ. Такими отвѣтами Ваня оставался очень доволенъ, потому что нравились ему возгласы О. Иоанна Кронштадтскаго нѣсколько разъ служившаго Литургію въ Вологодскомъ Спасовсерадскомъ соборѣ: также произвели на него глубокое впечатлѣніе импровизированныя проповѣди Преосвященнѣйшаго Палладія (нынѣ Епископа Вольскаго, Викарія Саратовскаго) въ то время, о. Палладій былъ еще въ санѣ іеромонаха преподавателемъ дух. семинаріи въ г. Вологдѣ. Всякій, кто зналъ и изучилъ Ивана Ефимовича, долженъ съ убѣжденіемъ сказать, что онъ былъ человекъ праведный. По неисповѣдимымъ дѣйствіямъ Промысла Божія родился онъ съ недостатками физической природы, но при этихъ недостаткахъ сильнѣе выступали высокія нравственныя качества его души, производившія на другихъ глубокое доброе впечатлѣніе. — Если Господь умудряетъ слѣшцовъ, если даже для провозвѣщенія людямъ своихъ высочайшихъ откровеній избиралъ людей простыхъ и незнатныхъ по званію и положенію, то и въ Иванѣ Ефимовичѣ можно было видѣть избранника Божія, который жилъ жизнію во Христѣ и стяжалъ близость къ Богу, источнику духовнаго свѣта. Все это подтверждается многими фактами прозорливости, которую Иванъ Ефимовичъ проявлялъ въ самой простой формѣ, нерѣдко въ одномъ, или въ двухъ—трехъ словахъ. Иногда придетъ онъ къ знакомымъ и скажетъ, что у него голова болитъ, или другимъ чѣмъ нездоровъ; на другой же день у лица, которому онъ такъ сказалъ, появлялась соотвѣтствующая болѣзнь, такъ что изучившему приемы его объясненій приходилось въ подобныхъ случаяхъ говорить: „знаю, что не о себѣ, а обо мнѣ ты говоришь“. Познакомившись съ однимъ новымъ для него семействомъ, онъ вскорѣ пришелъ второй разъ послѣ перваго посѣщенія и, не зная ничего о занятіяхъ и дѣлахъ членовъ, сказалъ матери семьи: „папаша много принесетъ денегъ“. Черезъ нѣсколько часовъ возвращается мужъ и подаетъ женѣ довольно значительную сумму денегъ, которую онъ совсѣмъ неожиданно получилъ. Изъ того же семейства мать съ двумя дѣтьми уѣзжала однажды на нѣсколько мѣсяцевъ въ другую губернію. Мужъ оставался въ Вологдѣ. Когда ожидалось возвращеніе семейства, вдругъ получается отъ матери письмо съ извѣстіемъ, что на обратномъ пути сынъ сильно заболѣлъ и она вынуждена была остановиться въ уѣздномъ городѣ для леченія, за невозможностію продолжать поѣздку. Во время чтенія письма сидѣлъ и Иванъ Ефимовичъ и внимательно смотрѣлъ на лицо читавшаго письмо. Мужъ сильно былъ огорченъ извѣстіемъ, но, докончивши чтеніе письма, пока ни слова не сказалъ своему собесѣднику. Тогда Иванъ Ефимовичъ, замѣтивши это смущеніе, сказалъ: „Герасиму“. Смыслъ

слова этого былъ ясенъ: на другой же день утромъ мужъ отправился въ храмъ преподобнаго Герасима Вологодскаго и предъ ракою Угодника Божія отслужилъ молебствіе. Къ вечеру того же дня пришла телеграмма о томъ, что сынъ теперь здоровъ и семейство отправилось въ путь. Совѣмъ не въ случайномъ стеченіи обстоятельствъ нужно искать объясненіе указанныхъ и другихъ многочисленныхъ примѣровъ изъ жизни Ивана Ефимовича. Хорошо знавшіе натуру этого замѣчательнаго человѣка, въ одинъ голосъ скажутъ, что устами его говорила сила высшая, благодатная.

Цѣнные факты въ этомъ отношеніи изъ жизни Ивана Ефимовича сообщаетъ одинъ о. игумень. Изъ Вологды, рассказываетъ онъ, Ваня часто посѣщаль ту обитель, гдѣ о. игумень ранѣе былъ казначеемъ. Когда Ваня приходилъ къ нему въ послѣдній разъ, то все плакалъ. О. казначей спросилъ его: о чемъ ты, Ваня, плачешь? Онъ обнялъ о. казначея и затѣмъ, сказалъ: „Тебя далеко; тамъ комнаты худыя“. Словамъ этимъ о. казначей не придавалъ тогда никакого значенія. Но скоро послѣ того (спустя мѣсяцъ или два) онъ узналъ отъ о. настоятеля Архимандрита Анатолія, что его назначили настоятелемъ въ отдаленный захудалый монастырь. Сколько ни просилъ о. казначей владыку оставить его на прежнемъ мѣстѣ, просьба его осталась безъ удовлетворенія; нужно было отправиться въ новое далекое мѣсто. „Тогда-то я вспомнилъ, говоритъ о. игумень, слова Вани, разыскалъ его, рассказалъ ему объ этомъ и прибавилъ: вотъ, Ваня, правду ты сказалъ мнѣ, что „Далеко меня“. Онъ сквозь слезы отвѣтилъ: „не долго тамъ“. Исполнились слова Вани относительно комнатъ. Въ монастырѣ оказались однѣ лишь развалины.

Когда о. игумень былъ переведенъ изъ отдаленнаго монастыря на должность настоятеля въ другой, здѣсь однажды загорѣлся въ нижнемъ этажѣ братскаго корпуса потолокъ и въ настоятельской комнаты нашло много дыма. Ваня въ это время былъ въ деревнѣ у престарѣлой сестры о. настоятеля; вдругъ онъ говоритъ ей: „чадно, у игумена голова болитъ“, и началъ молиться. Сестра не поняла, что это значитъ; въ монастырѣ между тѣмъ все обошлось благополучно; тогда-то разъяснился смыслъ словъ Вани и всѣ были удивлены прозорливостію его.

Одна женщина, беременная первымъ ребенкомъ, спросила у Вани: кого дастъ ей Богъ? Онъ отвѣчалъ: „Колю“. Наканунѣ дня 6 декабря у женщины родился ребенокъ, названный Николаемъ.

Помянутый о. игумень сообщаетъ свѣдѣніе о случаѣ изъ времени войны съ Японцами. Взятъ былъ на войну келейникъ Павелъ и племянникъ его Василій. Вани первому изъ нихъ ска-

залъ, что онъ будетъ у русскихъ, а второй—не у русскихъ, и тому и другому вмѣстѣ—оба они возвратятся съ войны невредимы. Слова Вани сбылись. Павелъ пробылъ 13 мѣсяцевъ въ войскѣ въ Самарѣ, а Василій былъ въ битвахъ съ Японцами, и оба они возвратились на родину невредимыми.

Съ увѣренностію можно сказать, что многочисленные другіе знакомые Ивана Ефимовича знаютъ много подобныхъ случаевъ прозорливости его, которые въ послѣдствіи, быть можетъ, объявлены будутъ во всеобщее свѣдѣніе ¹⁾.

Предъ смертію, говоритъ о. игумень, монахъ Іоаннъ лежалъ недолго и до самой кончины разговорилъ. Скончался онъ тихо и какъ истинный хрістіанинъ; пособоровался и много разъ причастился Св. Таинъ и въ послѣдній разъ—за 15 минутъ до смерти; попросилъ у о. Игумена теплоты, немного отпилъ и обнялъ его: „тебѣ тяжело?“ спросилъ Игумень; „нѣтъ“, отвѣчалъ онъ. А меня не жалко тебѣ?“ „Жалко“, было послѣднее слово умиравшаго. Скончался монахъ Іоаннъ 30 января 1907 года въ 10 часовъ утра. Погребеніе торжественно совершено 1 февраля Настоятелемъ 4 іеромонахами и 2 іеродіаконами; мѣсто погребенія—на монастырскомъ кладбищѣ противъ алтаря придѣла Преподобнаго Іосифа, рядомъ съ могилою схимника Арсенія, котораго усопшіи знали хорошо. Это мѣсто монахъ Іоаннъ самъ избралъ и просилъ настоятеля здѣсь похоронить его. На погребеніи были многіе почитатели усопшаго изъ окрестныхъ селеній и изъ г. Вологды.

Такъ протекла жизнь благочестиваго Ивана Ефимовича въ Вологодскомъ краѣ. 50 лѣтній возрастъ не оставилъ почти никакого отпечатка на его лицѣ. Оно почти неизмѣнно сохранило юношески-дѣвственный видъ, съ какимъ онъ явился въ Вологду 35 лѣтъ тому назадъ. О жизни своей до прибытія въ Вологду онъ никогда почему-то не говорилъ, только твердо помнилъ имя своей, умершей еще до отъѣзда его въ Вологду, матери Надежды, которое онъ всегда внятно произносилъ, когда подавалъ на жертвенникъ просфору; имя отца не произносилъ, вѣроятно, потому, что не умѣлъ выговаривать его. Взятый изъ родной семьи, въ раннемъ возрастѣ и привезенный въ чужой край, онъ однако полюбилъ Вологду и никогда не скучалъ о Петербургѣ, и та искрення любовь, которую онъ приобрѣлъ въ средѣ вологжанъ своими высокими нравственными качествами, свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ производилъ одно только доброе вліяніе въ странѣ, гдѣ нашель для себя вторую родину. И пусть никогда не из-

¹⁾ Просимъ читателей сообщать подобные случаи въ „Церковное Слово“ Редакція.

глядится память о праведномъ мужѣ. Добраго человѣка нельзя не вспомнить добрымъ словомъ и добрымъ именемъ.

Пр. К.

ВОЛОГОДСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О. Іоаннъ Кронштадтскій въ г. Вологдѣ.

13 и 14 Мая Вологда удостоилась посѣщенія великаго молитвенника земли Русской, Кронштадтскаго протоіеря о. Іоанна Сергіева, который по пути на родину въ с. Суру, Арханг. губ., почти ежегодно бываетъ въ Вологдѣ. Вѣсть о пріѣздѣ чтимаго пастыря быстро облетѣла весь городъ. Народъ спѣшилъ къ Спасовсерадскому собору, гдѣ о. Іоаннъ намѣревался служить литургію. Скоро обширный храмъ былъ полонъ богомольцевъ, трудно, почти невозможно было протискаться черезъ густыя массы стоявшаго въ храмѣ народа. Множество желающихъ помолиться принуждено было остаться на улицѣ. Предъ совершеніемъ Литургіи о. Іоаннъ читалъ канонъ недѣли о. разслабленномъ. Замѣчательно это чтеніе. Слышалось, что о. Іоаннъ жаловался Богу на нашу немощь, на силу врага, онъ скорбѣлъ сердцемъ о заблужденіяхъ; то голосъ чтеца-молитвенника крѣпчалъ и въ немъ слышался тонъ глубокой, сильной вѣры и упованія... За литургіей многіе отъ руки глубокочтимаго батюшки причастились св. Таинъ. Литургія, совершаемая о. Іоанномъ,—это какъ бы одинъ моментъ молитвы; батюшка забываетъ все, находясь на землѣ, духомъ онъ бываетъ на небѣ. Въ концѣ Литургіи отецъ Іоаннъ обратился къ богомольцамъ съ глубоко трогательною рѣчью; онъ говорилъ объ исцѣленіи разслабленнаго у овчей купели, воду которой однажды въ годъ возмущалъ Архангелъ Михаилъ и исцѣлялъ одного только болящаго, который первый влазилъ въ купель по возмущеніи воды. Когда пришелъ на землю Христось Спаситель, воплотившись отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, то не одинъ только человѣкъ въ годъ, но всѣ могутъ быть исцѣлены Господомъ Иисусомъ Христомъ. Много есть болящихъ среди здѣсь присутствующихъ, всѣхъ Господь исцѣлитъ, только обращайтесь къ Нему съ вѣрою,—горячею, крѣпкою вѣрою. Кайтесь съ сокрушеніемъ сердца, плачьте, рыдайте о грѣхахъ своихъ. Таковъ былъ смыслъ рѣчи досточтимаго батюшки. Слова ея отдавались въ сердцахъ присутствовавшихъ, вызывая въ нихъ искреннее желаніе исправленія и обновленія. Въ храмѣ слышались рыданія.

14 Мая отецъ Іоаннъ совершалъ Литургію въ Казанской церкви г. Вологды. И тутъ была масса богомольцевъ, и тутъ

неслась горячая молитва людей разныхъ классовъ общества, званий и положеній, которые чтутъ пребывающую въ Кронштадтскомъ батюшкѣ силу благодати, которая многихъ возвращаетъ отъ духовной смерти къ жизни, которая творитъ чудеса. Жажущіе принять благословеніе о. Іоанна, услышать его драгоценное слово, поучаствовать въ его молитвѣ старались всячески попасть туда, гдѣ въ тотъ или другой моментъ дня находился желанный всѣмъ гость; батюшка посѣщаль больныхъ, служилъ молебны, посѣщаль своихъ близкихъ знакомыхъ, вмѣстѣ съ которыми имѣли счастье назидаться рѣчами его многіе жители Вологды. Разсказываютъ про такой знаменательный случай, имѣвшій мѣсто въ Вологдѣ во дни пребыванія о. Іоанна Кронштадтскаго. О Іоаннѣ ѣхаль въ каретѣ по улицѣ Вологды съ однимъ уважаемымъ горожаниномъ въ его загородный домъ. На встрѣчу попадаетъ крестьянинъ, который ведетъ на веревкѣ корову. Поравнявшись съ нимъ, о. Іоаннъ приказываетъ кучеру остановиться и спрашиваетъ мужичка:

— Куда ведешь корову?

— Въ рынокъ продавать, послѣднюю, отвѣчаетъ печально крестьянинъ.

— Или пропировался, что до того дожилъ?

— Какое, батюшка, отвѣчалъ мужичекъ,—дѣтей много, кормить надо, да и налоги заплатить нечѣмъ, нужда крайняя пристгла.

— А много ли надѣнешься получить за корову? спросилъ о. Іоаннъ бѣднягу.

Рублей 38, я думаю, дадутъ.

— Поварачивай-ка, голубчикъ, корову обратно; тебѣ вотъ хватить, возьми; при этомъ батюшка вручилъ мужичку пакетикъ и уѣхаль.

Естественное любопытство заставило крестьянина тутъ же посмотреть, что находится въ этомъ совершенно чистомъ, безъ всякихъ помѣтокъ и надписей, конвертѣ. Оказалось, какъ разъ 38 рублей.

Счастливецъ возблагодарилъ Бога и такъ неожиданно посланнаго имъ благодѣтеля. Всѣ подивились знаменательному случаю.

Пріѣздъ о. Іоаннъ весьма поднялъ духъ и оживилъ религиозное чувство вологжанъ.

Миссіонеръ *Николай Слѣдниковъ*.